

— Какую роль в вашем становлении как художника сыграл отец?

— То, что я прожил столько лет с моим замечательным отцом, наложило огромный отпечаток на мое мировосприятие и отношение к искусству. Музыка отца стала для меня как бы продолжением моего "я". И чем старше я становлюсь, тем больше хочу дирижировать его произведениями. Выступление с симфоническим оркестром, с которым я в свое время впервые исполнил и записал Пятнадцатую симфонию, стало для меня событием. Тем более после многолетней разлуки с Москвой и ее публикой.

— А у кого вы учились?

— О, у меня были замечательные учителя! Как пианист я учился в Центральной музыкальной школе-десятилетке у легендарной Елены Ховен, в консерватории — у великого Якова Флиера. Как дирижер — у ленинградского профессора Николая Рабиновича, Геннадия Рождественского, Александра Гаука, Игоря Маркевича. Если отец окружил меня аурой своего гения, то они ввели меня в святая святых профессии.

— Что вам, как исполнителю, дала сама Россия?

— Русскую музыку играют больше всего в России. Поэтому именно у нас существовали и существуют наиболее ценные традиции интерпретации этой музыки, традиции, которые передаются от учителей к ученикам. Поэтому исключительное значение имеет близость к великим творцам музыки. Для меня — к Сергею Прокофьеву, Араму Хачатуряну, моему незабвенному отцу. Их человеческие качества, творческие и мировоззренческие принципы, традиции, которым они следовали, я мог впитать в себя только в России. Которая и воспитала меня как русского художника.

— Тем не менее вы покинули Россию.

— Я покинул Советскую Россию в 1981-м в критическое для всех нас время. Мой исход — и я это подчеркиваю — был направлен на то, чтобы привлечь внимание всего мира и самой России на абсурдность, античеловечность порядков, в ней царивших. Отъезд из СССР многих выдающихся артистов, писателей, художников, ученых вызвал общественный резонанс. Никаких надежд, что ужасная эпоха закончится, не существовало. Это был разгар брежневщины.

— Значит ли, что Соединенные Штаты явились для вас более благодатным местом для реализации духовных и творческих возможностей?

— Свобода творчества в Штатах существует исторически и традиционно. Ее ощущение для художника необходимо как воздух. Равно как и окружение близкими людьми, которыми судьба меня там не обделила. Я не урбанист и живу за границей в сельской местности. Мой образ жизни не вступает в противоречие с интенсивной гастрольно-концертной деятельностью. Я посетил почти все страны мира, причем по многу раз. Дирижировал прославленными европейскими, американскими, японскими, австралийскими, новозеландскими оркестрами. Везде старался пропагандировать музыку моего отца. Она занимает ведущее место в моем творчестве.

— Какие сочинения Дмитрия Дмитриевича, более всего созвучны вашим художественным взглядам?

— Я люблю все произведения отца. И все они одинаково мне близки. Когда задают такой вопрос, какой задали вы, отвечаю,

что больше всего боготворю то произведение, которым я сегодня вечером дирижирую.

— Помимо сочинений отца какие репертуарные пристрастия вами владеют?

— Меня тянет к симфоническим, ораториальным и вообще крупномасштабным циклам с глубоким содержанием. Предпочитаю дирижировать творениями Бетховена, Брамса, Малера, Брукнера, Чайковского, других величайших симфонистов.

— Пишите ли музыку сами?

— Нет, не пишу. Одного композитора с фамилией Шостакович вполне достаточно.

Максим ШОСТАКОВИЧ:

“Я был и остаюсь русским человеком”

На мой взгляд, давно не было у нас такого впечатляющего исполнения произведений Шостаковича, какое довелось услышать недавно в Большом зале консерватории на концерте, посвященном 90-летию со дня рождения композитора. При участии Большого симфонического оркестра имени Чайковского прозвучали Второй виолончельный концерт (солист — Александр Князев) и Поэма для баса, хора и оркестра “Казнь Степана Разина” на слова Евгения Евтушенко (солист — Олег Мельников). Вечер украсила и Государственная академическая хоровая капелла России имени Юрлова.

Дирижировал гость — Максим Шостакович, сын великого маэстро, живущий ныне в США. Дирижировал мастерски, увлеченно, на пределе музыкантских и человеческих возможностей.

После концерта мне удалось задать дирижеру несколько вопросов.

— Принимая во внимание драматическую обстановку тех лет, когда искусством руководили люди типа Жданова, можно ли говорить о преобладании трагической тональности в творчестве Дмитрия Дмитриевича?

— Думаю, что эмоциональный, психологический, драматургический, философский диапазон музыки Шостаковича настолько широк, что она вмещает всю сложнейшую и многоликую палитру человеческих чувств — от трагизма и романтики до юмора и лирической исповедальности.

— Существует мнение, что в тяжелой поступи Седьмой — “Ленинградской” — симфонии слышится не только нашествие гитлеровских полчищ, но бездушие советской машины подавления.

— Как всякий большой художник, отец хотел отобразить и то, и другое, и третье. Он — мастер огромных социальных и иных обобщений. Создавая, скажем, революционную симфонию, он стремится выразить весь кошмар хаоса. Когда люди убивают друг друга, часто не понимая почему, во имя каких целей. Когда они ведомы идеями, нередко бесконечно далекими от них. Когда они играют роль марионеток в руках лидеров, бросающих их в кровавую мясорубку. То же и война. Ведь образ войны в Седьмой симфонии — это не только образ Великой Отечественной, но и вообще всех войн прошлых, настоящих и будущих. И разве можно рассматривать его изолированно, вне связи с внутренней политикой государства, во многом ответственной за эту войну? Ограниченные и злые люди, организовавшие геноцид по отношению к собственному народу, руководили им и в войне с Гитлером. Потому и жертв в этой войне было так много. Седьмая симфония — симфония о всенародном горе.

— Советским властям было выгодно поддерживать миф о Шостаковиче как приверженце коммунистического режима. Вышедшая на Западе книга Волкова с записями его бесед с композитором этот миф опровергала. За что, вероятно, и подвергалась у нас жесточайшей обструкции, объявлялась фальшивкой. Опирались ли подобная критика на подлинные фак-

ты?

— Самая ценная сторона этой книги в том, что она показала, в каких невыносимых условиях жил и творил художник. Книга Волкова раскрыла глаза западной публике на истинное положение честного художника в условиях строя, истерзавшего моего отца. Одно временно в этой работе есть, к сожалению, и домыслы, основанные на слухах.

— Завистники судачат, что окончательный вердикт о гениальности Шостаковича может вынести только время.

— Ну что же, время именно и свидетельствует, что понимание и

категории сознания и бытия, она повествует о Человеке и Человеческом. Я уверен в бессмертии его музыки.

— Если бы вашему отцу довелось дожить до наших дней, что сказал бы он о переменах в стране?

— Он приветствовал бы их. Большого противника тоталитаризма, жестокой коммунистической власти, чем Шостакович, трудно себе представить.

— К сожалению, у нас далеко не все складывается благополучно. Определенная часть населения готова пожертвовать завоеванными свободами в пользу батона дешевой колбасы, пусть даже за колочей проволочкой возрожденного комму-

Дирижировал концертом памяти Евгения Мравинского в родном городе моего отца — в Санкт-Петербурге, в Большом зале филармонии имени Шостаковича. Исполнялась Восьмая симфония, которую отец посвятил замечательному ленинградскому дирижеру. Встреча с Россией вызвала тогда во мне непередаваемые, хотя и неоднозначные чувства. И если сравнить увиденное мною в тот приезд и сейчас, то не могу не сказать, что города стали чище, опрятнее, много строится. Важно, что восстанавливаются православные храмы. И если в 81-м, когда я уезжал, надежды у людей не было, то теперь она есть. Вопреки всему. Это — главное.

— Внушает ли вам оптимизм нынешнее состояние российской музыкальной культуры?

— Россия всегда была источником высочайшей музыкальной культуры. Великие традиции, как говорят, не вырубешь. Я верю в музыкальное будущее России. Несмотря на бедность, стало очень много хороших и разных оркестров. Я бывал на концерте Национального симфонического оркестра Михаила Плетнева, выступил с Большим симфоническим оркестром имени Чайковского. Это блестящие оркестры. Первоклассные. Мирового уровня. А филармонический оркестр города на Неве? Последний раз я дирижировал им в Париже. В нем живы традиции исполнения, завещанные моим отцом. Там есть еще музыканты, которые помнят его. А кто лучше играл Бетховена, чем Эмиль Гилельс? Кто играет лучше мировую виолончельную литературу, чем Мстислав Ростропович? Или Наталья Гутман? То же и скрипачи Давид Ойстрах, Леонид Коган, Михаил Вайман, музыканты других специальностей. Уровень потрясающий. И намного превосходит западный. Скажем так: наша музыкальная культура и академическая школа настолько высоки, что, подобно океану, будут постоянно выплескивать в мир огромное количество талантов.

— Захлестывает ли вас этот океан за границы?

— Именно. Больше всего я встречаюсь с русскими эмигрантами. Не только, разумеется, музыкантами. Моим близким другом был Иосиф Бродский. Его смерть — потеря страшная. Едва приехал сюда — скончалась Лидия Чуковская. С ней канула в небытие целая эпоха русской культуры. И как печально видеть некогда дорогих нам людей состарившимися, когда возвращаешься через много лет!

— Хотелось бы узнать о вашей семье?

— Жена — Марина. Русская. Живем вместе уже восемь лет. Она подарила мне двух необыкновенных деток. Дочери — четыре годика, сыночку — четырнадцать месяцев. Моему старшему сыну от первого брака — тридцать четыре. Он специалист в области электронной музыки.

— А остались ли у вас родственники в России?

— Сестра. Она — медик, научный работник. Уже на пенсии. Есть племянники.

— Вдали от родины испытываете ли чувство ностальгии?

— Физической ностальгии у меня нет. Я могу жить где угодно. Но это не означает, что способен забыть родину. Всегда помню о ней, пристально слежу за всеми российскими событиями, переживаю их как личные. Живя в Соединенных Штатах, остаюсь русским человеком.

Беседу вел

Герард КИМЕКЛИС.

Фото Э. ЛЕВИНА.

интерес к его творчеству неуклонно растут. Во всех уголках Земли. Написав в свои девятнадцать лет Первую симфонию, он уже заявил о себе как о крупнейшем композиторе. Если раньше музыку Шостаковича называли “зеркалом времени”, то теперь становится совершенно очевидным, что она не укладывается в жесткие временные рамки, потому что в ней раскрываются вечные, непреходящие

нистического ГУЛАГа.

— Я оптимист и верю, что и народ, и государство, в которых заложены неисчерпаемые потенциальные силы, сумеют преодолеть рецидивы тоталитарного сознания и возведут светлое здание демократической России. Любая ломка никогда безболезненно не проходит. Ее надо пережить, перестрадать. Впервые после эмиграции я посетил родину два года назад.

Главный редактор А.А.АВДЕЕНКО

Газета сверстана в компьютерном центре “ДИЗАЙН ЛАБОРАТОРИЯ”

Отпечатано в типографии издательства “Пресса”, 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. “Правды”, 24. Индекс 50182. Тип. № 11261.

Адрес редакции: 101484, ГСП, Москва, ул. Новослободская, 73. Факс: (095) 285-06-12. Телефон секретариата: 285-79-28.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция справок не дает. “Экран и сцена” выходит по четвергам.

Учредитель: журналистский коллектив. Цена свободная. Подписано в печать 20.03.96 г. в 14.00. Тираж 10 000 экз.